

На этой полосе они сошлись случайно: репортаж из Америки, где присудили "Оскара" Никите Михалкову за фильм "Утомленные солнцем", и интервью с Андреем Кончаловским, присланное из Праги. Случайность, однако, показала симптоматичной, иллюстрирующей и разность путей двух знаменитых братьев-режиссеров, и странную неизбежность их пересечений — по крайней мере в русском сознании, тяготеющем к размышлению над "проклятыми" вопросами о судьбе России...

— Андрей, с каким чувством ты смотришь собственные картины?

— Да особенно никаких чувств. У меня очень слабо развито чувство собственности по отношению к снятым картинам. Снял — и больше о ней уже не думаю. Я, честно говоря, больше думаю о следующем фильме. Надо где-то искать для него деньги.

— А когда-то ты был человек очень переживающий. Я помню, как двадцать лет назад мы вместе ехали из Карловых Вар в Прагу. Ты тогда получил высший приз за "Романс о влюбленных", весь искрился эмоциями...

— Да? Наверное... Я раньше любил смотреть свои картины. Не один, а с публикой. Теперь никакого удовольствия не испытываю. Как только снял, посмотрел первый раз в монтажной, увидел, что не получилось, понял, что переделывать нельзя, — все, до свидания. Новую картину скорее начинать. Как говорил Моравия, у художника может быть только один недостаток — это импотенция. А потенция — делать что-то новое.

— Ты начинал исконно русским режиссером. Потом пожелал стать американским. Это далось тебе легко или пришлось очень много в себе ломать?

— Американским режиссером мне хотелось быть, только когда я делал "Танго и Кэш", снимал для денег. Не забывай, что первые три года я был безработным. Надо было снимать, чтобы что-то заработать, иначе я должен был бы продавать сэндвичи. Это "деление" на русское и нерусское особенно распространено у русских критиков. По-моему, чепуха все это... Самое примитивное клише. "Любовники Марии", "Застенчивые люди", "Убегающий поезд" — мои картины, никакие не американские. "Любовники Марии" собирались ставить в Москве, сразу после "Аси Клячиной", называлась "Река Потудань", по рассказу Платонова. "Застенчивые люди" были придуманы, когда снимал "Сибириаду" в Сибири, тогда было название "Две матери". "Убегающий поезд" вполне мог сниматься в России, там идеи абсолютно по Достоевскому, просто сценарий написал Курасава, и он хотел, чтобы фильм снимался в Америке.

Если бы я стремился стать американским режиссером, я бы не снимал этих картин. Американское кино не делается про людей, о которых неизвестно, хорошие они или плохие. Не в его правилах рассматривать философию, "европейские" проблемы вроде относительности добра и зла, несовместимости любви и свободы и так далее. Большинство американских сценариев — замороженный обед как правило, никаких следов жизни. Посмотришь картины Копполы за последние пятнадцать лет — все по формуле. Американские картины анонимны, даже у больших мастеров. Посмотришь — и не скажешь, кто это сделал. Нет того, что делает картину субъективной.

— Говоришь, снимал свое. Но ведь это "свое" с ходом жизни как-то менялось — философии, психологически.

— Трудно подводить теоретические базы под свои вещи. Лучше бы не подводить никаких баз. Но если уж на то пошло, то моя эволюция шла от утверждения чего-то к вопрошанию. Раньше в картинах

имелись какие-то концы, теперь не хотел бы никаких концов. Дверь в конце должна быть открыта.

Несколько веков — последних — люди жили с замечательной иллюзией, будто все равны — фратерните, либерте, эгалите, — что царство справедливости может быть установлено, что прогресс, демократические выборы правительства и образование сделают всех людей одинаково счастливыми. Российский идеализм мало чем отличался от европейского в этом смысле. Это большие иллюзии, в которых я последние десять лет медленно разочаровывался. Говорится: "умом Россию не понять". А у меня одной из целей было как раз понять умом. И лучше стало удаваться, когда я зажил в Америке, на расстоянии.

Русская философская мысль — особенно в конце века, — она очень сильно шла в сторону экзистенциализма, в сторону нищанства даже. Шестов — особенно. Написал замечательную работу "Добро и зло в учениях Толстого и Ницше". "Достоевский и Ницше" и так далее. Ну, чтобы не говорить долго — это все приводит к выводу о неизбежности зла. Его нельзя обойти, нельзя уничтожить. Постоянное его присутствие в тех или иных формах — просто часть жизни. Человек — поле борьбы между добром и злом. И иногда вещи субъективно выглядят как зло, а объективно — как добро. И наоборот. На столько все перемешано, что самое интересное, наверное, спрашивать: а действительно ли это добро? Или: в самом ли деле здесь зло?

Десять лет назад мы были уверены: нужно, чтобы коммунизм рухнул, убрать "железные занавесы" — и все будет хорошо. Это тоже были иллюзии. У многих, в том числе у меня. Могу сказать, что я плакал от счастья, когда видел Горбачева, будучи в Америке. Я вообще считал его великим человеком, но это уже прошлое. И советская власть, и коммунизм мировой — все это лопнуло, как пузырь. И оказалось, что все не так просто. Видятся другие препятствия, другие враги. А прежние иллюзии сменяются новыми. Чередование иллюзий — это и есть жизнь.

Не могу сказать, что доволен своими картинами, хотя, ну да, есть люди, которым это кино нравится. Оно мне тоже нравилось в свое время. Но сейчас у меня ощущение, что не сумел найти своего мира по-настоящему. Кое-где это удавалось, а где-то меньше. Сейчас мне хотелось бы попытаться нащупать этот свой мир.

— А "Курочка Ряба"? Она нервная, и в этой нервозности как раз чувствуется очень сильное стремление что-то понять...

— Когда я говорил о своем мире, имел в виду не столько предмет, сколько способ изображения. У художника с возрастом возникает большое количество штам-

пов. Они — как сорняки в огороде, их нужно вырывать. Мне не составляет большого труда снять кино. Делаю это не задумываясь. Уверенность, наверное, принадлежит к профессии, но, с другой стороны, не мешает быть посамокритичнее. "Курочка" — это попытка освободиться от проложенных, тобой же самим затоптанных дорог и штампов, когда все понятно заранее.

— А приятно было, что снова снимал дома?

— Когда снимаешь, всегда счастливый. С одной стороны. А с другой — всегда в ужасе. Боишься. Страшно. Если снимаешь картину с маленьким бюджетом, меньше риска. Никто с тебя не будет оо-

до" и сколько было разговоров вокруг тургеневской России и границы? А сегодня как ты думаешь? Осталось это все в девятнадцатом веке или вне времени?

— Опыт других поколений ничему не учит, к сожалению. Для меня Тургенев тогда был как бы сублимацией западничества, порыва на Запад. И в более широком смысле сублимацией — я сам мечтал уехать. И как бы усилием воли заставлял себя жить в России. И картина об этом. Человек не может жить вырванным из почвы, это самовнушение, та же самотерапия. Тургенев-то писал свои романы, сидя в Баден-Бадене или в Париже. Хорошо грезить Россией, если ты в Париже! Какой-то русский генерал хорошо сказал:

разованны, неинтеллектуальны. И очень много претензий. А у итальянцев, положим, масса восторженной критики, приятно, конечно, но вот прочитаешь, как он понял, — и жалко. Между прочим, лучшую статью о "Курочке Рябе" написал один англичанин в "Moscow Times".

Там вообще бывают любопытные статьи. Была статья англичанина одного про Россию. Написал — проблема русских в том, что они белые. Если бы они были черные, желтые или коричневые, не было бы такой деинтерпретации. Когда люди — западные — едут в Мексику, или в Индию, или в Турцию, их ничто не шокирует. Они знают, что они в Турции. Когда они едут в Россию, то их все шокирует. Потому что думают, будто приехали в европейскую страну, где живут белые люди. А Европа кончается в Польше. Дальше начинается уже не Европа, понимаешь? Это такая п р и х о т л и в а я мысль, но она очень точно передает проблему русских. Русские сами думают, что они белые, им к тому же это и вбивали в голову, и требуют соответствующего

поведения. А этого поведения нельзя требовать. Потому что наша нация родилась не из Европы. Когда я говорю такие вещи, на меня русские сильно обижаются. Им очень хочется быть белыми. — Это старая проблема. Когда в Праге появились эмигранты первой русской волны, им тоже с большой болью приходилось убеждать, что они не то, что мнили о себе. Полной адаптации не получалось, оставались особняком. — И это при том, что из России уезжали, как правило, люди сильно европеизированные. Дворянство и так далее. Крестьянин нигде не ехал. Уехал только "верхний генетический фонд", который был европеизирован за два столетия после Петра. Я думаю так: понимание России может начаться только тогда, когда к ней перестанут относиться как к нации, которая просто невозможно задержалась на своем пути в Европу. Чуть-чуть задержалась, на пару веков. Это ошибка. Так же как мусульмане не задержались на пути в Европу — им просто в другую сторону, — так же и русские не движутся в сторону Европы. Хотя демократы и либералы толкают их туда. И западные либералы тоже думают: достаточно дать деньги, инвестиции, образование, демократию — и все наладится. Русским как бы чуть-чуть не повезло. Да неправда! Это просто другая нация, с другими качествами, с другим менталитетом.

Когда думаешь так о России, то все, что происходит там, уже не кажется сплошным несчастьем и катастрофой. Катастрофа может мерещиться только тем, кто надеялся, что Горбачев сделает из России Швейцарию. А Швейцарии не получается даже у чехов, которые к ней гораздо ближе.

Железная стена между Россией и Европой — это не коммунизм. Это православие.

— Почему ты думаешь, что православие разделяет? Между прочим, я православная и крещеная. Но из-за этого "другой" себя не чувствую.

— Не чувствуешь, потому что живешь в среде с католической ментальностью, по законам католической. Дело тут не в степени религиозности. Ментальность, грубо говоря, это выражение взаимоотношений между индивидуумом и властью. Потому что Бог — это власть в последней инстанции. Тот факт, что православному нужно шесть часов стоять на ногах или на коленях, даже сесть нельзя, говорит о

том, что человек находится глубоко внизу, а Бог от него — по чистой вертикали. Много неистового и ортодоксального есть в восприятии Бога с пятого, четвертого века. И отсюда идет... ну, я бы сказал, интолерантность. Православие не изменилось за тысячу лет. Все та же пассионарность, чувственность, которая тебе, с одной стороны, дает облегчение, а с другой — делает непримиримым к другим. По самой русской церкви видно. Едва с колен встали, из-под КГБ еще не выползли, а уже враг у них — Ватикан. Уже хотели бы запрещения всех других конфессий в России. Им хочется государственной религии. Не терпят иных проповедников — это все исчадие сатаны. Извините меня — это средние века! Вот там мы и находимся — югославы, греки, болгары и Россия находятся в шестнадцатом веке. Ничего плохого в этом нет, просто факт. Посмотри, как разошлись чехи со словаками и как расходятся сербы с хорватами. Насилие, геноцид, нетерпимость, страсть, племенные войны. Вот тебе выражение другой реальности, другой ментальности, которая идет от православия, — вот мое убеждение. Православие и мусульманство очень близки в этом смысле, они пассивны, нетерпимы к другим мнениям, воинственны, и слово "компромисс" для них — гадкое слово. Ничего не изменили и десятилетия атеистической пропаганды. Православный атеист — это воинствующий атеист. А протестантский атеист — самый мирный человек. Поэтому российские коммунисты очень отличались от шведских и, как ни странно, мало отличались от камбоджийских. Каждая религия в конце концов определяется ценою жизни. В православии цена жизни низкая, в мусульманстве еще ниже, а в буддизме жизнь просто ничего не стоит.

— Последний вопрос: что собираешься снимать, если не секрет?

— У меня несколько сценариев в мыслях. Один уже написан. Фильм ужасов, который, наверное, я буду только продюсировать. Называется "Мороз по коже". Действие в Москве происходит. Сейчас готовлюсь, буду ставить, наверное, адаптацию романа Мальро, называется "Королевская дорога".

— О чем это?

— Два европейца в джунглях, 1927 год. Начало коммунистического движения в Юго-Восточной Азии. Один — идеалист, а второй — я, циник. Для этой роли уже есть актер — Ричард Харрис, гениальный артист, он свернул у Андерсона в картине "Такова спортивная жизнь" и много раз потом. А еще с Виктором Мережко пишу сценарий под названием "Дом дураков". Сюжет, содержание — лучше не спрашивать. Или выключи микрофон, тогда скажу...

Чередование иллюзий — это и есть жизнь

Режиссер Андрей КОНЧАЛОВСКИЙ
в беседе с чешским кинокритиком Галиной КОПАНЕВОЙ

бо спрашивать. Свобода — когда мало денег. В этом смысле я был абсолютно свободен и делал, что хотел. И что мог; естественно, с теми людьми, которые у меня были. Была замечательная актриса Инна Чурикова. Она выдерживает вызов. Режиссерский. Картина ведь довольно сложная, она сделана как бы с иронией, идущей изнутри, там не просто фиксация реалистического события, она в гоголевском духе. Это трудно играть, надо не просто жить, а еще и представлять, быть немножко клоуном. И она замечательно это делает.

— Она много вносит своего или настраивается и идет, куда тебе надо?

— Она фантастический аппарат имеет. Она настраивается и не помнит ничего, что делает. Она прекрасно чувствует жанр.

— "Курочка Ряба" — это в каком-то роде новый Кончаловский?

— Не могу про себя сказать, что у меня как бы одна жизнь, что я живу в первый раз. У меня все время ощущение, что те, прежние картины снимал кто-то другой. Сам себя спрашиваю: "Это все я, что ли?.. И это?" Мне кажется, что не я. Такое как бы отчуждение от самого себя.

— Ты думаешь, это твоё исключительное ощущение? Может, это судьба такая российская? Где еще происходили такие события, так швыряло людей...

— Конечно, внешний мир играет свою роль. И очень большую. Но меня удивляет не столько Россия, из которой я уехал в Америку, сколько я сам. Как я себя когда-то вел, как рассуждал. Мне кажется, что это был не я, а кто-то самоуверенный, наглый, очень грубый. Совок.

— Однако тогда ты производил впечатление мальчика, который купается в успехах и удаче. Ты сиял.

— Дело в том, что я никогда не ставил свои удачи во главу угла, никогда не жаловался. Запретили картину — можно впасть в депрессию, но я быстро начинал снимать следующую. Я вообще-то человек, который избегает боли. Закрываю какие-то кингстоны, шлюзы. Аутогенная терапия. Лучший способ избежать каких-то лишних волнений — это найти себе новый манок.

— Что?

— Манок, новую идею. Поэтому, наверное, я старыми картинами больше не занимаюсь.

— И все-таки разреши, я еще раз верну тебя к прошлому. Помнишь "Дворянское гнез-

я готов умереть за Россию, но жить предпочитал во Франции. Белый генерал, конечно.

Я картину эту делал в полном отчаянии. Сейчас вспоминаю с юмором, а тогда я от ужаса даже пил, не знал, как снимать кино. Абсолютно. Сценарий я написал лучше, чем снял картину. Не сумел, не хватило режиссерской зрелости. Вернее, чувствовал себя, как мартышка с компьютером. Или как будто по стеклянной горе лезешь и ничего не получается. Поэтому я пил прямо с утра. Коньяк. В картине много формальностей, и много их как раз потому, что существо не выявлено.

О чем идет речь? Художник ставит себе какую-то цель. Он к этой цели стремится. Если бы спросили у Шекспира, о чем "Гамлет", о чем "Король Лир", я совсем не убежден, что его ответ совпал бы с ответами интерпретаторов, исследователей. Его ответ может быть совершенно неожиданным. Цель, которую ставит себе художник, никто не обязан знать. Могут гадать, художник может и сам говорить, но все это неважно. Потому что интересно не цель, а путь к этой цели. Произведение и есть какая-то протеренная дорожка к цели. Доблел художник до цели — удовлетворен, "я достиг". А другой увидит совсем не эту цель, а иную. О чем феллиниевская картина "А корабль плывет"? Бергмановский "Час волка"? Авторы-то знают о чем, но зрителю знать совсем не обязательно, потому что его интересует только путь. Средство. А цель должна оставаться камерой-обскурой, неизвестным. Поэтому моя теория такая: что бы вы ни увидели, вы всегда правы. Вы шли по дороге, по которой я вас вел, но вышли вы к другому костру или к другой куче дерьма. Это ваше дело, вы правы. Неважно, доплыл ли до берега, важно не сбиться с курса.

Поэтому когда я читаю критику о "Курочке", мне смешно. (Я имею в виду не только критическую критику, но и позитивную.) Смешно. Я думаю: как же эти люди не понимают, о чем кино? А с другой стороны, думаю: а какое у меня право требовать, чтобы понимали?

— То есть ты безусловно относишься к критике, что бы ни писали?

— Нет, почему. Любопытно, конечно, что напишут. Вообще важно, чтобы много писали — для бизнеса, для картины. А вот хорошо или плохо, это неважно. У меня впечатление, что многие кинокритики, особенно сейчас в России, очень малооб-

ВЫПИСЫВАЙТЕ
С ЛЮБОГО МЕСЯЦА
ПОКУПАЙТЕ
ПО СРЕДАМ
ЧИТАЙТЕ
ВСЮ НЕДЕЛЮ